

Е. А. Коршунова
«Простота «неслыханной содержательности»»

Рецензия на книгу И.А. Есаулова «Русская классика: новое понимание». — СПб. : Алетейя, 2012. — 448 с.

Монография профессора Ивана Андреевича Есаулова является результатом обширной исследовательской работы по изучению русской литературы в христианском аспекте³. За четверть века это третье фундаментальное научное издание автора, после «Категории соборности русской словесности» [1] и «Пасхальности русской словесности» [2]. Особенно крупным научным событием стала публикация «Пасхальности русской словесности», имевшая широкий резонанс не только в России и Украине, но и в Польше, Хорватии⁴. Монография «Русская классика: новое понимание» является преемственным исследованием по отношению к двум предыдущим.

Существенно переработав и обновив концептуально значимые главы «Соборности» и «Пасхальности», И. А. Есаулов дополнил их разделом «Родное как вселенское в национальном образе мира: отечественная словесность и «русская идея»». Сразу же обращает на себя внимание временной охват исследуемых текстов: от «Слова о законе и благодати» Митрополита Илариона до романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Анализируется творчество А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, А. Чехова, А. Блока, И. Шмелева, И. Бунина, В. Набокова и др. Иными словами, автор касается вершинных произведений русской словесности, ее классических образцов. Такая ориентация объясняется концептуальной установкой автора, формулируемой во введении: «мы попытались истолковать магистральный вектор развития русской словесности и описать классические произведения отечественной литературы в контексте православного типа культуры, опираясь на новые принципы понимания художественного текста» [3].

Эта теоретическое положение первоначально представлено в «Соборности»: «выделяются два подхода к пониманию художественного произведения: «историко-литературный» и мифопоэтический, которые при конкретном анализе чаще всего контаминируются. Однако возможен и третий подход, вытекающий из постулата существования различных типов культур, типов ментальностей, которые оказывают глубинное воздействие на создание и функционирование того или иного произведения искусства» [1]. В данной монографии И.А. Есаулов выделяет этот культурный тип как «Slavia Orthodoxa», пользуясь терминологией Р. Пиккио. Корневая система русской, украинской, болгарской, сербской культур относятся к этому типу [3:16]. Поэтому «может быть, одной из актуальнейших проблем теоретического литературоведения является осознание христианского (а именно — православного) подтекста русской литературы как особого предмета изучения. Этот подтекст существует не в «малом времени» современности и не в абстрактном «большом времени», уводящем к мифу вообще, а в некоем третьем измерении, требующем для себя и особого научного инструментария» [1].

В данных трех монографиях исследователь разрабатывает эти категории. Если соборность понималась автором как выражение одной из фундаментальных особенностей русского православного пасхального архетипа, то, манифестируя сам архетип, И. А. Есаулов показывает его первостепенную важность для русской литературы. На примерах классики автор раскрывает тезис о том, что «пасхальная проповедь, по-видимому, является одновременно и истоком русской словесности как таковой» [2:8]. Кроме того, И. А. Есаулов предлагает новое, очень удачное трактование термина архетип, вскрывая ограниченность определения К. Г. Юнга: «Под архетипами в данном случае понимаются, в отличие от К. Г. Юнга, не всеобщие бессознательные модели, но такого рода трансгисторические «коллективные представления», которые формируются и обретают определенность в том или ином типе культу-

³ Электронный полнотекстовый вариант книги представлен на сайте <http://www.esaulov.net>

⁴ Boguslav Zylko. И.А. Есаулов. Пасхальность русской словесности.— М. : Кругъ, 2004. — 559 с.// SLAVIA ORIENTALIS. T. LV, NR 2, Krakov, ROK 2006. — 295-299; Наталия Видмарович. Пасхальный контекст русской литературы // Подходы к изучению текста. — Ижевск, 2007. — С.299-301 и др.

ры. Иными словами, это культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией *тип мышления*, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [2: 6].

Поэтому, история русской литературы может быть истолкована с помощью нового инструментария, иных категорий: *соборности, пасхальности, христоцентризма, закона, благодати*. Перед нами не что иное, как конструирование новой концепции русской словесности, избегающей вульгаризаций советского литературоведения и выявляющей зачастую интеллектуальную мифологию — с ее явной склонностью к «левизне». Масштаб научной новизны исследования позволяет говорить о *научном открытии* автора и заслуживает специального внимания (курсив мой — Е. А.).

Название монографии очень точно отображает и одновременно формулирует исследовательские задачи: создать *новую* историю русской литературы, ориентированную не только на изучение, но и на *понимание* текста (курсив мой — Е. А.). Так, по материалам гоголевской главы, становится ясно, например, что «письмо Белинского к Гоголю предполагает что угодно, только не подлинное понимание духовного вектора развития Гоголя. Напротив, это письмо задает совершенно противоположную перспективу: *непонимания Гоголя*» [3:16]. Еще одной научной удачей является то, что в своем видении гуманитарного понимания автор книги следует той научной традиции, которая ориентирована на личностный подход к предмету описания т.е. предполагает диалогизм, а не монологизм, свойственный семиотическому подходу. И. А. Есаулов развивает здесь теоретические положения М. М. Бахтина, постулирующего актуальность «далекого» контекста понимания произведения.

Введенные автором в научный оборот категории существенно трансформируют и уточняют существующий теоретический аппарат, что уже является показателем глубины научных открытий. Так, «осмысление двойственной сущности карнавализации привело к необходимости четкого разграничения юродства и шутовства — именно в преломлении этих понятий в филологии» [3:17]. Автор указывает на то, что неразличение М. М. Бахтиным поэтики Карнавала мешает пониманию вершинных произведений Ф. Достоевского: «официальные «иерархиче-

ские барьеры» разрушаются и «нашими» в «Бесах», и князем Мышкиным в «Идиоте»: но в одном случае мы имеем дело с традицией шутовства (тяготеющей к беззаконию), в другом случае — с традицией юродства (помнящей о своем сродстве со святостью). Именно ей и наследует юродство. <...> Поэтому категории юродства и шутовства не только «уточняют» Карнавал, но и позволяют осмыслить такие грани русской литературы, которые при ином подходе будут затемненными и неясными» [3:17–18].

Показателен в этом смысле и случай О. Мандельштама. Сокровенный и в то же время вселенский смысл строк стихотворения Н. Гумилева «Слово» из эпиграфа к статье О. Мандельштама «О природе слова» раскрывает понятие христоцентризма :

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных хлопот
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово — это Бог.

Слово вневременно и «образует вокруг себя тот самый, говоря словами Мандельштама, «священный круг», который можно опознать, как христоцентризм. Логос-слово в его новозаветном греческом (т.е. эллинском) смысле, разумеется, не может не нести в себе как раз ту самую «бытийственность», о которой и пишет Мандельштам» [3:310–311]. Уже по этим примерам можно заключить, что данные категории «не навязаны» нашей литературе, но бытуют и присущи самой ее природе, обнаруживаются в самой *поэтике художественного текста*. И неопценимая заслуга многолетних трудов ученого состоит не в *изобретении*, а *открытии* тех научных категорий, которые эксплицируют содержание и подлинный лик нашей словесности (курсив мой — Е. А.). Ведь и Хомяков не изобрел соборность, а смог — в итоге напряженного «умного делания» — сформулировать, дать формулу «глубинной сути православной религиозности». И подлинным реалистом и гением Б. Пастернак считал того, кто смог «расслышать бытие», а не конструировать его модели, ибо именно в простоте таится «неслыханная содержательность».

Поэтому хотелось бы увидеть продолжение исследования истории русской литературы в данном аспекте в виде новых филологических трудов профессора И. А. Есаулова. Определенный интерес в этом отношении представляет и русская словесность XVIII в., заслуживающая отдельного рассмотрения.

Литература

1. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе : [монография] / Иван Есаулов ; [рец. : prof. Jostein Bortnes, University of Bergen, проф. Т. Г. Мальчукова]. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. — 288 с.
2. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности : [монография] / Иван Есаулов ; [рец. Г. Л. Стольников]. — М. : Кругъ, 2004. — 560 с.
3. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание: [монография] / Иван Есаулов ; [рец. : проф. В. Н. Захаров, проф. Б. Н. Тарасов]. — СПб : Алетейя, 2012. — 448 с.